

**Взаимоотношения Русской православной церкви
и советского государства
в Средней Азии в 1940-е – середине 1960-х гг.
(на примере Ташкентского благочиния)**

Ю.Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

**The Relations between the Russian Orthodox Church
and the Soviet State in Central Asia in the 1940s - Mid 1960s
(Illustrated by the Example of the Tashkent Deanery)**

Yu.N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Автор рассматривает государственно-церковные отношения в Средней Азии в 1940–1960-е гг. на примере Ташкентского благочиния в период пребывания Русской православной церкви под патронажем института государственных уполномоченных по делам Русской православной церкви. На основе анализа неопубликованных архивных источников дается характеристика процесса восстановления приходов на территории Ташкентской и Среднеазиатской епархии, анализируются хозяйственно-имущественные отношения государства и церкви, финансовая деятельность православных приходов Ташкентского благочиния. В фокусе внимания автора находятся вопросы, связанные с кадровым составом приписанных к приходам православных священников, их уровнем образования. Автор кратко касается проблемы католиков и последователей армяно-григорианской церкви, которым не разрешалось создавать молитвенные дома. Приводится статистика запрашиваемых в Ташкенте обрядов на примере Успенского кафедрального собора и Александро-Невского храма. Автор приходит к выводу, что востребованность православных обрядов в храмах Ташкента была связана с высокой долей русского населения, проживающего в столице Узбекистана.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Ташкентская и Среднеазиатская Епархия, благочиние, священник, уполномоченный, православие.

DOI 10.14258/izvasu(2020)5-07

История Русской православной церкви в среднеазиатских республиках в советский период впи-

In this article the author examines state-church relations in Central Asia in the 1940s – mid 1960s illustrated by the example of the Tashkent Deanery during the period of the development of the Russian Orthodox Church under the patronage of the institute of state commissioners for the Russian Orthodox Church. On the basis of an analysis of unpublished archival sources, the author describes the process of reconstruction of parishes on the territory of the Tashkent and Central Asian dioceses, analyzes the economic and property relations between the state and the church, and the financial activities of the Orthodox parishes of the Tashkent deanery. The author focuses on issues related to the staff of Orthodox priests assigned to parishes, their level of education. The author briefly touches on the problem of Catholics and representatives of the Armenian Gregorian Church, who were not allowed to establish houses of prayer. The article provides statistics of the rituals requested in Tashkent in the context of the Assumption Cathedral and the Alexander Nevsky Church. The author comes to the conclusion that the demand for Orthodox rituals in the churches of Tashkent was associated with the high proportion of the Russian population living in the capital.

Key words: the Russian Orthodox Church, the Tashkent and Central Asian Eparchy, deanery, priest, commissioner, Orthodoxy.

сывается в общегосударственные процессы, но в то же время имеет свои отличительные особенности.

Наибольший интерес исследователей привлекает фигура выдающегося религиозного деятеля и советского хирурга XX в. Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (архиепископ Лука), который проживал в Ташкенте с 1917 по 1923 г., затем с 1926 по 1931 г. В 1920 г. в Ташкенте В.Ф. Войно-Ясенецкий принял рукоположение в священный сан, спустя три года – монашеский постриг с именем Лука [1; 2].

Несмотря на актуальность изучения истории Русской православной церкви в советской Средней Азии, в исследовательской литературе в основном присутствуют публикации узбекистанских историков и краеведов, таких как С.А. Асанова [3; 4], Ю.С. Флыгина [5], Е.В. Абдуллаева [6] и др. В кандидатской диссертации А.С. Асановой выявлены особенности истории православной церкви в Русском Туркестане во второй половине XIX – начале XX в., в советской Средней Азии, а также в постсоветском Узбекистане. Огромный задел в изучении православия сделан историками, задействованными в редакции духовного и литературно-исторического журнала «Восток свыше», а также в Службе по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии Е.В. Абдуллаевым, Ю.С. Флыгиным, Р.В. Дорофеевым. Обилие неопубликованного архивного материала детализирует историю различных соборов и приходов на территории Узбекской ССР в отдельности, особенно в раннесоветский период. Однако обобщающие публикации о православии и институциональном развитии Русской православной церкви (далее РПЦ. – Ю.Ц.) в советской Средней Азии до сих пор не публиковались, что оставляет «горизонты» для расширения исследовательского поиска.

Целью данной статьи является выявление взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства в Средней Азии в 1940–1960-е гг. на примере Ташкентского благочиния в период пребывания РПЦ под патронажем института государственных уполномоченных по делам Русской православной церкви. Это полный противоречий период в истории православной церкви, когда, с одной стороны, была воссоздана структурная организация РПЦ в советских республиках Средней Азии, был восстановлен Успенский кафедральный собор в Ташкенте и другие приходы, но при этом произошло полное подчинение бюрократической организации при Совете Министров Узбекской ССР. Статья написана с привлечением выявленных в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, в Архиве Ташкентского и Среднеазиатского епархиального управления (Ташкент, Республика Узбекистан) делопроизводственных, статистических и других источников. Автором анализировалась ведомственная переписка между Епархиальным управлением и Московским патриархатом, переписка между Уполномоченным Совета по делам рели-

гиозных культов и председателем Совета Министров УзССР и другими лицами. Привлеченные источники позволяют раскрыть важные детали церковно-приходской жизни в Ташкентской и Среднеазиатской епархии в целом и в Ташкентском благочинии в частности в 1940–1960-е гг.

Наибольшие испытания Ташкентская и Среднеазиатская епархия пережила в раннесоветский период, связанный с внутрицерковным расколом, закрытием/разрушением храмов и приходов, гонениями на священнослужителей. В Ташкенте в 1930-е гг. были снесены храм Святого Сергия Радонежского, храм Святого Николая Чудотворца, Военный Спасо-Преображенский собор. Фактически к 1936 г. Ташкентская и Среднеазиатская епархия прекратила свое существование. В начале 1940-х гг. происходит изменение государственной политики в отношении Русской православной церкви и других организаций. Произошел отказ от политики «воинствующего атеизма» и борьбы против духовенства. Государство начинает восстановление структурной организации РПЦ, но при этом потребовало полной лояльности [6, с. 56]. В сентябре 1943 г. был создан Совет по делам РПЦ – орган, контролирующий деятельность церкви и осуществляющий связь с её руководством. Совет по делам РПЦ имел больше прав, чем правящий архиерей [7, с. 45].

С 1944 г. возрождается кафедра епископа Ташкентского и Среднеазиатского с центром в Ташкенте. Для нахождения компромисса между Русской православной церковью и обновленческим движением в Ташкент прибывает член Священного Синода архиепископ Алексей (Палицын), принимавший «покаяние у обновленцев» [4, с. 54]. В подчинении епископа Ташкентского и Среднеазиатского находились православные храмы и приходы Узбекской, Киргизской, Таджикской, Туркменской ССР. Из состава Ташкентской и Среднеазиатской епархии в 1945 г. была выделена в самостоятельную Алма-Атинская и Казахская епархия [5, с. 47].

После завершения периода политики «воинствующего безбожия» в конце 1940-х гг. проводилась «инвентаризация» православных храмов и молитвенных домов, согласно которой восстановлению и открытию подлежали только церкви и приходы, существовавшие до 1920 г. В 1945 г. здание церкви Святого Пантелеймона в Ташкенте было передано Русской православной церкви. Эта церковь была повторно освящена в честь Успения Пресвятой Богородицы, превратившись в кафедральный храм Ташкентской и Среднеазиатской епархии.

К 1948 г. в Ташкентской и Среднеазиатской епархии существовало 6 благочинных округов: Ташкентский (9 приходов), Самаркандский (10 приходов), Ферганский (4 прихода), Киргизский (33 прихода), Таджикский (6 приходов), Туркменский

(5 приходов) [8, л. 37]. Наибольшее число православных приходов оказалась в Киргизской ССР в связи с тем, что до 1917 г. практически в каждом населенном пункте находились церкви или молитвенные дома, образованные крестьянами-переселенцами. Несмотря на трудный военный и не менее сложный послевоенный период, в 1940-е гг., кроме восстановления ранее существующих приходов, создавались новые. Советские власти стремились в каждом городе обеспечить наличие храма на кладбище. В ответе на запрос Московского патриархата №584 от 5 июля 1955 г. секретарь Епархиального совета протоиерей Ф. Семенович предоставляет сведения о том, что после 1920 г. было вновь построено 4 храма и молитвенных дома в Таджикской и Киргизской ССР, преимущественно в период с 1944 по 1949 г. В этом же документе секретарь обращает внимание на то, что в результате землетрясения 1948 г. в Ашхабаде был полностью разрушен Свято-Никольский кладбищенский храм, фактически единственный в городе православный приход. Временная постройка не отвечала основным требованиям: «Вместо него построен молитвенный дом временного барачного типа, не отвечающего элементарным условиям удобства и санитарии» [9, л. 9–11]. В середине 1950-х гг. наиболее острым являлся вопрос о восстановлении нового храма в Ашхабаде.

На территории Узбекской ССР находились Ташкентское, Самаркандское и Ферганское благочиния. Согласно годовому отчету по Ташкентской и Среднеазиатской епархии за 1948 г., в Ташкенте действовали Успенский кафедральный собор, Александро-Невский кладбищенский храм, Свято-Троицкий молитвенный дом, в Ташкентское благочиние входили храмы и молитвенные дома в городах Янги-Юль и Мирзачуль, остальные – в сельской местности Ташкентской области. В Самаркандском благочинии – Покровский собор и два молитвенных дома в Самарканде, молитвенные дома в Джизаке, Катта-Кургане, Кагане. В Ферганском благочинии по данным на 1948 г. существовал Сергиевский храм (открылся в здании польского костела в 1946 г.), Казанский храм в Коканде, молитвенные дома в Андижане и Намангане. Кроме этого, действующим был Казанский молитвенный дом в Термезе [8, л. 39–41].

Институт уполномоченных по делам РПЦ жестко регулировал процесс восстановления церковно-приходской деятельности в тех населенных пунктах, где до 1920 г. существовали православные общины. Иная ситуация складывалась во вновь построенных в Узбекской ССР советских городах. Во время советской индустриализации появились такие крупные индустриальные центры в Ташкентской области, как Алмалык, Ангрэн, Чирчик, Янгийер и др., в 1958 г. был построен город Навои в Бухарской об-

ласти, градообразующим предприятием которого стал горно-металлургический комбинат. Все вновь построенные промышленные города в Узбекской ССР были связаны с добычей стратегически важного сырья, урановым и горнорудным производством. В новых промышленных центрах, обязанных своим возникновением современным достижениям технического прогресса, не отводилось места для религиозной жизни, наоборот, делалась ставка на формирование материалистического сознания [10, р. 54]. Однако православные общины консолидировались даже в новых урбанизированных центрах, к примеру, в Алмалыке (около 50–60 км от Ташкента) православная община существовала с 1963 г., когда в городе начал работать молеальный дом, созданный по инициативе горожан без государственной поддержки [11].

В сложном положении оказались католики и последователи армяно-григорианской церкви, которым в среднеазиатском регионе не разрешалось создавать молитвенные дома. Католический храм в Ташкенте был выстроен к 1917 г., однако здание храма с 1925 по 1976 г. использовалось в качестве хозяйственных помещений. Из годового отчета епископа Гурия по Ташкентской и Среднеазиатской епархии за 1948 г.: «Католики (поляки) и армяне иногда присоединяются к Православной церкви, особенно перед смертью. Изредка католики и часто армяне приходят к таинствам покаяния и причащения. Я не знаю ни одного священника, который отказал бы им в этом (а также в отпевании). Многие из армян фактически присоединились к Православной церкви, жертвуют на украшение храма» [8, л. 30].

Стоит отметить, что полный бюрократический контроль государства в лице Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. преобразован в Совет по делам религий) над церковью приводил к множеству организационных трудностей. К примеру, в 1961 г. в отчетах Уполномоченного Совета по делам религиозных культов Ш. Ширинбаева, его заместителя А.Ф. Иванова заместителю председателя Совета Министров УзССР С. А. Азамову перечисляются реализованные мероприятия ограничительного порядка: рекомендация №176 от 28 февраля 1961 г. о закрытии духовного училища (медресе) «Баракхан» в Ташкенте, об отказе в регистрации молитвенного дома общества молокан в Ташкенте, об ограничении богослужений в церкви-часовне при Ташкентском городском кладбище и использовании её только для отпевания [12, л. 4–12]. С.А. Асанова отмечает, что государственная бюрократия строго наблюдала за тем, чтобы число приходов не превышало «норму» [4, с. 54].

Кроме этого, под контролем уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви находилась вся имущественно-хозяйственная жизнь епархии. В одном из писем архиепископа Ташкентского

и Среднеазиатского Гавриила к Московскому патриарху Алексию в 1962 г. описывается ситуация, в которой зданием Епархиального управления заинтересовались представители райсовета Куйбышевского района Ташкент с целью его изъятия под детский сад. Архиепископ Ташкента Гавриил убеждал патриарха вмешаться и предотвратить возможное выселение из занимаемого помещения, он аргументировал это следующим: «Большой аргументацией к нашей защите имеет тот факт, что Ташкент является «окном на Восток», через Ташкент проезжают различные иностранные делегации, посещающие Советский Союз и часто изъявляющие желание ознакомиться с храмами РПЦ и побыть в резиденции главы Православной церкви. Естественно, что принимать иностранные делегации должны в полном соответствии с реальным положением Русской православной церкви в Советском Союзе и показать им всё то хорошее, что в действительности у нас есть» [13, л. 2–3].

Данное представление о Ташкенте как о витрине советского Востока полностью соответствовало проводимой первым секретарем ЦК компартии Узбекской ССР Ш. Рашидовым политики. В изучаемый период Узбекскую ССР и его столицу посетили египетский лидер Г.А. Насер (1958 г.), лидер кубинской революции Ф. Кастро (1963 г.), в 1966 г. в Ташкенте проходили индо-пакистанские мирные переговоры по итогам военного конфликта. Соответственно, все учреждения, встроенные в государственную систему, в том числе и Епархиальное управление Русской православной церкви, должны были демонстрировать успехи строительства социализма.

Рассматривая кадровый состав притча православных приходов, можно заметить тенденцию, по которой согласно данным на 1 января 1960 г. большая часть священников родились в период с 1880-х по 1910-е гг., приобщившись к православию в до-революционный период. Лишь небольшая группа молодых священнослужителей (1930-х годов рождения) была приписана к Успенскому кафедральному собору в Ташкенте, в том числе и диакон Павел Анатольевич Адельгейм (1938 г.р.), в будущем известный своей критикой советского строя. В архивном документе приведены сведения об образовательном составе священников благочиний Узбекской ССР. В 1960 г. из 46 священнослужителей всех благочиний Узбекской ССР только 6 имели духовное семинарское образование [14, л. 15–18]. По данным на 1969 г. священников и диаконов в церквях и приходах Узбекской ССР насчитывалось уже около 35 человек, среди которых около 20 были в возрасте старше 41 года [15, л.1]. В публикации Ю.С. Флыгина упоминается о том, что в 1920–1930-е гг. в легальных формах церковная жизнь сохранилась только в епархиях западной части страны (Западная Украина,

Западная Белоруссия, Молдавия, прибалтийские республики). Духовные православные семинарии в этот период закрывались во всей стране [5, с. 42]. В таких условиях наличие среднего и высшего духовного образования у священников стало редкостью.

Судя по имеющимся статистическим данным, запросы на обряды в православных приходах в отдельных городах Узбекской ССР в изучаемый период в целом были высокими. Отчасти это связано с тем, что в Ташкенте в исследуемое время была высока доля русского населения. Согласно переписи населения 1959 г., в столице Узбекской ССР проживало 911930 человек, среди них насчитывалось русских – 400641 (44%), узбеков – 307879 (33,7%) [16]. Согласно данным следующей переписи населения (1970 г.), доля русских в Ташкенте еще больше выросла в результате переселения в столицу Узбекской ССР ликвидаторов последствий землетрясения 1966 г. и др. В столице проживало 1 384 509 человек, среди которых насчитывалось 512 962 (37%) узбеков, 564 584 (40,77%) русских, 40 716 (2,9%) украинцев [17, л. 7].

Анализируя статистику запрашиваемых населением «треб» в ташкентских храмах, необходимо отметить, что активность прихожан была в целом высокой. По данным отчетов в кафедральном Успенском соборе в Ташкенте с 1 января по 31 августа 1962 г. крестилось 2095 человек, прошли обряд венчания 40 человек, статистика отпеваний отсутствует, так как отпевания совершались в Александро-Невском храме, расположенном на городском кладбище. В Александро-Невском храме в течение того же периода было совершено крещений – 977, погребений – 2017, венчаний – 30 [18, л. 28–29]. Сведения о взносах за период с 1 января по 1 октября 1962 г., отчисляемых каждым православным приходом на общепархиальные нужды, свидетельствуют о том, что самые высокие доходы имел Успенский кафедральный собор (22 500 руб.) и Александро-Невский храм (13 500 руб.) в Ташкенте, Георгиевский храм в Самарканде собрал 4 500 руб., Сергиевский храм в Фергане – 4 500 руб., Казанский храм в Коканде – 4 500 руб. [18, л. 27]. Финансовая деятельность православных приходов также находилась под контролем советского государства.

Проанализированные документальные материалы позволяют сделать вывод, что в период с 1944 по 1964 г. государственно-церковные отношения переживали этап от возрождения до тотального контроля над деятельностью Русской православной церкви. Переоценка политики в отношении церкви и других религиозных организаций, начавшаяся во время Великой Отечественной войны, привела к восстановлению организационной структуры церкви под контролем уполномоченного по делам РПЦ. Институт уполномоченного контролировал все вопросы жизнедеятельности Ташкентской

и Среднеазиатской епархии, в том числе кадровую политику, хозяйственно-имущественные отношения и финансовую деятельность. Благодаря государственной поддержке были восстановлены православные приходы, существовавшие до 1920 г. Перекосы в религиозной политике в 1920–1930-е гг., закрытие духовных семинарий привели к тому, что у большинства священников Ташкентского благочиния не было высшего и среднего духовного образова-

ния. Данные епархиальных отчетов и финансовой документации свидетельствуют, что самое большое число проводимых обрядов выполнялось именно в Ташкентских приходах и в целом в Ташкентском благочинии в силу высокой доли русских в составе населения Ташкента и других городов Ташкентской области. Данный период был чрезвычайно важным для восстановления и перестройки организационной структуры РПЦ.

Библиографический список

1. Курыгин А.А., Семенов В.В. Профессор Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Святитель Лука (1877–1961) // Вестник хирургии им. И.И. Грекова. 2015. №174 (6).
2. Жукова Л.И. Чтобы взлететь, птица должна быть гордой: Ташкентский период в тернистом пути архиепископа Луки – профессора хирургии В.Ф. Войно-Ясенецкого (март 1917 – март 1940). Ташкент, 2012.
3. Асанова С.А. История православной церкви в Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2011.
4. Асанова С.А. Православная церковь в Средней Азии в 1941–1945 годы // Восток свыше. 2015. Вып. XXXVII, №2.
5. Флыгин Ю.С. «Дерзайте, стойте, и узрите спасение от Господа» // Восток свыше. 2015. Вып. XXXVII, №2.
6. Абдуллаев Е.В. «Участвовало в стяжении победы...» Документы о служении православного духовенства Узбекистана в 1941–1945 годах // Восток свыше. 2015. Вып. XXXVII, №2.
7. Гераськин Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. №4-4 (60).
8. Архив Ташкентского и Среднеазиатского епархиального управления (АТСЕУ). Оп. 1. Д. 18.
9. АТСЕУ. Оп. 1. Д. 40.
10. Tsyryapkina Yu. Orthodox Christianity in the Islamic Context of Post-Soviet Uzbekistan: Religious Consciousness and Traditions // Eight Essays on Russian Christianities. Collected papers. Edited by I. Mikeshin. Saint Petersburg, 2020.
11. Полевые материалы автора 2014, Республика Узбекистан, Алмалык: М., русская, 76, пенсионер, учитель русского языка и литературы, сентябрь 2014 г.
12. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф.Р.-837. Оп. 39. Д. 901.
13. АТСЕУ. Оп. 1. Д. 120.
14. АТСЕУ. Оп. 1. Д. 86.
15. АТСЕУ. Оп. 1. Д. 187.
16. Всесоюзная перепись населения 1959 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=40.
17. ЦГА РУз. Ф.Р.-1619. Оп. 5. Д. 422.
18. АТСЕУ. Оп. 1. Д. 130.